

М. Л. Зубцова, О. А. Мещерякова

Лексика зрительного модуса в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» (из цикла «Записки охотника»)

Статья посвящена изучению лексики зрительного модуса в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» из цикла «Записки охотника». В исследовании используется лексический и семантический анализ языковых единиц, а также анализ контекста их включения. Устанавливается, что зрительный модус в описании природы представлен тремя субмодусами: обозначениями света, цвета, формы предмета. Главенствующей чертой анализируемой семантики перцептивных лексем выступает тенденция номинирования восприятия, обусловленного регистром времени (время суток, время года) и локативными характеристиками. Прямое и переносное значение узусальных лексем зрительного модуса, а также окказиональные лексемы, созданные Тургеневым, служат для выражения представлений о физических и аксиологических характеристиках природных объектов. Эту же цель реализует обозначение зрительного субмодуса в сочетании с другими перцептивными лексемами, используемыми в рассказе.

Ключевые слова: перцептивная лексика, лексика зрительного модуса, свето- и цветообозначения, обозначения формы, рассказ И. С. Тургенева «Лес и степь», цикл рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника».

Для цитирования: Зубцова М. Л., Мещерякова О. А. Лексика зрительного модуса в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» (из цикла «Записки охотника») // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 1. – С. 124–140. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_124. EDN: PTHVPR

Перцептивное восприятие, свойственное человеку, рождается с ним и сопровождает его на протяжении всей жизни. Пять органов чувств в процессе взаимодействия человека с реальностью дают ему разнообразные характеристики окружающего мира, которые, с одной стороны, отражают объективные свойства, с другой стороны, дополняются субъективными оценками, обусловленными когнитивным, социальным, культурным опытом человека.

Система бессознательного восприятия окружающего мира, вербализованная в языке, характеризуется как пер-

цептивный модус. Языковая объективация результатов восприятия на основе одного сенсорного канала также представляет собой систему. Поэтому в рамках перцептивного модуса возможно выделение зрительного, слухового, обонятельного, осязательного, вкусового модусов.

В современной лингвистике изучение перцептивной системы любого модуса нередко осуществляется на основе обращения к художественному тексту. Подобный аспект обусловлен развитием антропоцентрического и когнитивного направлений исследования художественного текста и позволяет концентрировать внимание на индивидуально-авторской модели мира через художественные модусы перцепции¹.

Творчество великого классика русской литературы И. С. Тургенева привлекает особое внимание в вопросе исследования перцептивных обозначений [5; 7; 10; 17; 19] и др. Не является исключением и цикл рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника», который называют еще «энциклопедией сельской жизни» [3, с. 172]. При его изучении внимание исследователей сосредоточивается на особенностях слуховой и обонятельной перцепции [4; 18] и в статье А. Н. Неминущего². Большой интерес вызывают цветообозначения [1; 2; 11; 13]. Наряду со сквозным изучением перцептивного модуса во всем цикле рассказов, отмечается интерес к перцепции в отдельных типах речи, включенных в композицию, например, в портрете [15], пейзаже [9]. Кроме того, филологическому анализу с позиций перцептивной семантики подвергаются и отдельные рассказы [6; 16].

Материалы и методы

Цель данной статьи – представить анализ перцептивной лексики, относящейся к зрительному модусу, в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» из «Записок охотника». Объединяющим началом цикла выступает образ повествователя-охотника³.

¹ Оконешникова И. Г. Роль модусов перцепции в организации смыслового и коммуникативного пространства художественного прозаического текста (на материале романов Р. Кинга): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. С. 5.

² Неминущий А. Н. Структура и функции звукового кода в "Записках охотника" И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 2018. № 3. Т. 16. Электронный ресурс. URL: <https://scup.org/struktura-i-funkcii-zvukovogo-koda-v-zapiskah-ohotnika-i-s-turgeneva-147226173> (дата обращения: 01.10.2023).

³ См. об образе охоты и охотника обзорную статью Т. В. Мальцевой «Охотничий текст русской литературы» [14].

Рассказ «Лес и степь» завершает цикл, и в финальном рассказе повествователь призван «сказать несколько слов об охоте». Ее сущность представлена как гармоничное слияние человека и природы [20]. При этом «в силу появления двух равноправных сущностей – человека и природы – исчезает объективное эпическое созерцание, зато рождается их диалог» [12, с. 55].

Гипотеза исследования состоит в следующем: в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» (из цикла «Записки охотника») одной из форм проявления диалога между природой и человеком становится способность автора, которую он передает повествователю, выделять наиболее существенные черты в окружающем мире с помощью зрения и именовать их такими единицами перцептивной системы, как свето- и цветообозначения, а также обозначения формы. Основными методами исследования является лексический и семантический анализ лексических единиц зрительного модуля с учетом их контекстуального окружения.

Результаты

Свет, цвет, форма предметов и явлений, как правило, представлены в пейзажных зарисовках рассказа и обозначены отдельными лексемами и словосочетаниями перцептивной семантики.

Выделяется группа языковых единиц, обозначающих источники природного света (*солнце, звезда, луна*), небо и световые природные явления (*заря, закат*). Например: **Солнце** село; **звезда** зажглась и дрожит в огнистом море **заката**. Наряду с ними в пейзаж включаются слова, обозначающие наличие/отсутствие света, а также его свойства. Подобная семантика реализуется при употреблении лексем с корнями *блеск-*, *свет-*, *сверк-*, *темн-*, *ясн-*, *ярк-* и т. п., реализующих денотативное значение. Например: <...> сквозь влажный **блеск**, разлитый в воздухе, **ясно** выступает даль; вдали мельница <...> и, **пестрея** в **светлом** воздухе, голуби быстро кружатся над ней; <...> небольшая осиновая роща вся **сверкает** насквозь.

Данные светообозначения относятся к узуальным лексемам. При их использовании Тургеневым создается семантика световой динамики – это основная черта пейзажей рассказа.

Большую роль в формировании представлений о световых изменениях играют глаголы, употребленные в прямом световом значении. Так, при описании наступающего утра используются глаголы: *светлеть*, *яснеть*. **Светлеет** воздух <...> **яснеет** небо. Первая лексема указывает на увеличивающуюся интенсивность светового излучения, вторая – на усиливающуюся прозрачность. Воспроизведению световой динамики может служить и глагол *светить*, включенный в определенный контекст. Употребленный в прямом значении, он по смыслу дополняется наречиями времени (*еще*) и степени (*ярко*): *Кругом еще ярко светит солнце*. Это помогает запечатлеть картину постепенно угасающего света. Для изображения наступления темноты в рассказе используется приставочный глагол *потемнеть*: *Трава, кусты, все вдруг потемнело...* Он соединяет в себе семантику света (ослабление освещенности) и цвета (приобретение предметами темных оттенков) и придает картине импрессионистические черты. Эта особенность восприятия мира, заложенная в рассказе цикла, будет активно развиваться в последующих произведениях писателя и даст основание исследователям говорить об импрессионизме Тургенева как черте его идиостиля¹.

Своеобразно изображение световой динамики с помощью светообозначений-существительных. Например, в русском языке *луч* указывает на форму светового излучения – ‘узкая полоса света, исходящая от какого-нибудь светящегося предмета’. В тексте рассказа у лексемы актуализируется значение ‘небольшое количество света’. С помощью данного светообозначения, употребленного в единственном числе, в сочетании с прилагательным *косым*, Тургенев зримо воссоздает картину ранней весны, когда света еще мало, но тем не менее после зимы он особенно ощутим: *на проталинках, под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки*.

Обратим внимание на своеобразие использования слов, имеющих несколько денотативных «световых» значений. В рассказе есть описание грозы, где употребляется световой глагол с корнем *сверк-*. Тургенев обыгрывает его многозначность, в рамках которой лексема может указывать

¹ Жэнь Сяосюань. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: поэтика сквозь призму восприятия китайской литературой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 254 с.

и на прямой, и на отраженный свет. Сначала подчеркивается однократное действие, произведенное молнией, и лексема обозначает процесс яркого излучения: *Но вот слабо сверкнула молния... Э, да это гроза!* Семантика лексемы дает представление об особом характере прямого света – ярком, ослепительном блеске. Затем этот же глагол включается в описание отраженного света: *Боже мой, как весело сверкают все кругом, как воздух свеж и жидок, как пахнет земляничкой и грибами!..* Источником яркого, хотя и отраженного блеска становится *все кругом*. Формируется представление о том, что молния своим блеском одарила всю природу, «зажгла» ее своим сиянием, которое не исчезает тогда, когда гроза уже закончилась. Возникает ощущение чуда, и не случайно в этом описании Тургенев использует обращение *Боже мой*, передавая восклицанием эмоции восхищения и усиливая мотив сверхъестественного.

Глагол *блестеть*, как и глагол *сверкать*, многозначный. Для обозначения прямого излучения он используется в синтаксической конструкции с противительным союзом *но*, что помогает актуализировать аксиологические смыслы: <...> *низкое солнце уж не греет, но блестит ярче летнего*. Здесь способность солнца ярко светить (эстетическое назначение) противопоставляется способности греть (утилитарное назначение), поэтому связывается с представлением о красоте, что, оказывается, не менее важно, чем утилитарная оценка способности согреть. Используя союз *но*, противопоставляющий *не греет – блестит*, сравнительную степень наречия *ярче (летнего)*, Тургенев актуализирует семантику положительной эстетической оценки.

В тургеневском пейзаже особую роль для передачи как параметрических, так и ценностных смыслов играет метафоризация глагола, употребленного в качестве предиката к существительному *свет, луч*.

Например, глагол *хлынуть*, который обычно используется для описания движения воды, в рассказе указывает на световое движение: *Свет так и хлынет потоком*. Одновременно перенос значения с воды на свет способствует выражению дополнительного смысла 'с большой интенсивностью и силой', соотносимого к тому же с метафорой *поток*.

В предложении <...> золотисто-желтый **луч ворвется** вдруг, **заструится** длинным потоком, **ударит** по полям, **упрется** в рощу <...> существительное **луч** сочетается с метафорическими глаголами **ворвется**, **заструится**, **ударит**, **упрется**, что «одушевляет» описание борьбы света и темноты, привносит в семантику светообозначения идеи высшего духовного начала.

При описании максимальной силы света Тургенев обращается к глаголу-метафоре **восторжествовать**, тоже относящемуся к тематической группе «борьба». Это придает светообозначению аксиологические смыслы вселенского добра в противовес злу: <...> но как несказанно великолепен и ясен становится день, когда **свет** наконец **восторжествует** <...>.

Особое место в зрительном модуле рассказа «Лес и степь» отводится восприятию природы посредством цвета. Среди лексем, обозначающих цветовую гамму пейзажа, используются слова и словосочетания, относящиеся к ахроматической и хроматической группам. В ахроматическую группу входят слова с корнем **бел-**, **черн-**, **свет-**, **темн-**, **сер-**, **серебр-** и некоторые другие.

Белый цвет как ахроматический, объединяющий все цвета, обладает свойством быть видимым издали, и в рассказе цветообозначения с корнем **бел-** помогают автору обозначить перспективу пространства. Так, глагол **белеть** часто обозначает цвет, видимый вдалеке. Ахроматический оттенок может быть изначально свойственен предмету (*Сквозь окошко видите вы стол, покрытый **белой** скатертью*) или, напротив, может быть приобретен предметом ввиду слабой освещенности. Например: *собаки едва **белеют** во мраке* – здесь цветовая характеристика подчеркнута связана с отсутствием света (*мрак*). Слабый световой поток осенью преобразует цвет неба: *Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьев мирно **белеет** неподвижное небо*. Прилагательное **белый** обозначает такой цвет предмета, который воспринимается как хорошо известный, стандартный и видимый издали: *Вон за рощей деревня; вон другая подальше с **белой** церковью*. В этом колороним **белый** близок глаголу **белеть**: <...> *церкви **белеют***.

Ахроматический оттенок, связанный с поглощением света, обозначается словами с корнем **черн-**. Глагол **чернеться** используется Тургеневым уже в эпиграфе: <...> *бархатом **чернеется** земля*. Он номинирует восприятие эталонного

предмета черного цвета – земли. Глагол с корнем *черн-* также служит для описания неба, увиденного поздней осенью: Сквозь обнаженные, бурые сучья *дерев мирно чернеет* неподвижное небо. Кроме того, лексема включается в изображение оптического обмана, подробно описанного Тургеневым: Сквозь тонкий пар, ровно разлитый в воздухе, *чернеется* перед вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкий лес; вы подходите – лес превращается в высокую грядку полыни на меже. Писатель включает лексему, обозначающую ахроматический оттенок поглощенного света, и связывает ее семантику с представлениями о некоей иллюзорности человеческого восприятия. Поэтому в тургеневском тексте слова с корнем *черн-* приобретают дополнительный смысл кажимости – ‘то, что кажется черным’: Сквозь обнаженные, бурые сучья *дерев мирно чернеет* неподвижное небо; Вон над *черными* кустами край неба смутно яснее.

Прилагательное *темный*, глагол *темнеть* выступают в качестве колоронимов и обозначают цвет, близкий к черному, например, из-за плохой освещенности: <...> воробьи *чирикают* около *темных* скирд; Небо *темнеет* по краям. Использование слов с корнем *темн-* указывает на состояние природы, которое меняется. В приведенных примерах это время перед рассветом или накануне грозы.

«Срединный» между белым и черным серый цвет также включается Тургеневым в описание природы. Оттенок присущ природным реалиям благодаря особой освещенности. Лексема *серый* входит в сложное прилагательное: На *темносером* небе кое-где мигают звезды. ‘Серый, близкий к белому’ обозначается лексемой *серебристый*: большие *серебристые* пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна. Этимологически лексема *серебристый* связана с представлением о полудрагоценном металле, что определяет дополнительную семантику: физическую – ‘блестящий / отражающий свет’ и аксиологическую – ‘красивый’.

Обозначение, связанное с цветом другого металла – свинца, включается в описание грозового неба: <...> что за *свинцовая* полоса на небосклоне? Метафора цвета выражает дополнительный эмотивный смысл ‘вызывающий опасение’, в соответствии с которым лексема включается в риторический вопрос.

Хроматические оттенки, обозначенные в рассказе, разнообразны. Палитра красного цвета чаще всего используется в описании неба, солнца и всего, что отражает его лучи. Светлые и темные оттенки красного обозначены словами с корнем *ал-*, *багр-*. Глагол *алеть* обозначает яркий, насыщенный цвет горизонта в начале рассвета: <...> *край неба алет*. Обозначение оттенка красного цвета осуществляется с помощью прилагательного *алый*: <...> *вместе с росой падает алый блеск на поляны*. Прилагательное *багровый* указывает на интенсивный цвет небесного светила в период восхода: <...> *тихо всплывает багровое солнце*. Именование красного цвета осуществляется также с помощью единиц тематической группы «огонь»: <...> *звезда <...> дрожит в огнистом море заката*. Метафорический образ, уподобляющий цвет неба во время захода солнца огню, актуализирует семантику яркости хроматического оттенка и в то же время подчеркивает силу и мощь природного цветового явления.

Краски солнца передаются также цветообозначениями желтого спектра. Это могут быть лексемы в прямом и переносном значении. Цветообозначение *желтый* включено уже в предтекстовую позицию и употребляется как компонент эпиграфа: *И падает тяжелый желтый луч // Из-за прозрачных, белых, круглых туч*. В самом тексте употребляется существительное *золото*: <...> *поляны, еще недавно облитые потоками жидкого золота*; прилагательное *золотой*: <...> *вот уже золотые полосы протянулись по небу*. В конце повествования лексемы желтого цвета сливаются в новообразовании *золотисто-желтый*, объединяющем употребленные ранее колоративы в двухкомпонентном сложном прилагательном: *золотисто-желтый луч ворвется вдруг, заструится длинным потоком, ударит по полям, упрется в рошу – и вот опять все заволоклось*. Окказиональное цветообозначение завершает словесный ряд, компоненты которого обусловлены мотивом солнца, и служит для именованя цветового сияния.

Интересен также контекст соединения лексем цвета *желтый – золотистый*: *большие желтые мухи неподвижно висят в золотистом воздухе и вдруг отлетают*. Он создает образ солнечного «всепроникновения», благодаря которому «стан-

дартные» черные насекомые преобразуются, как бы впитывая в себя желтый цвет солнца.

Посредством цветообозначений желтого спектра Тургенев разворачивает мотив солнца и при описании живой растительности. *Желтеть*, *желтый* выступает цветообозначением зреющего урожая, в первую очередь характеризует цвет колосьев злаковых, а потому ассоциируется с богатством: кое-где разве вдали **желтеет** поспевающая рожь; <...> тонкий туман стоит вдали над **желтыми** полями. Цветообозначение золотой употребляется для описания красок осеннего дерева: **береза**, словно сказочное дерево, **вся золотая**, красиво рисуется на бледно-голубом небе. Примечательно употребление местоимения *вся* при цветообозначении: с его помощью создается представление об одежде, в которое солнце обрядило березу. Тем самым Тургенев формирует особый мифопоэтический образ, который близок мотиву "чудесного одевания", встречающемуся как в архаичном фольклоре, так и в контексте христианской книжности, литургической поэзии и иконографии [21]. Мотив «чудесного одевания» усиливается семантикой сравнения словно сказочное дерево, которое напоминает о сфере трансцендентного света, могущества, жизни. В мифологическом аспекте это формирует архетип мирового дерева.

Синий цвет присущ небу и воде. Светлые оттенки синего обозначаются прилагательным голубой и его дериватами: *береза* <...> красиво рисуется на **бледно-голубом** небе; темные – прилагательным синий: по реке радостно мчатся **синие** волны; глаголом *синеть* и его формами: <...> **синее** небо <...>); Река вьется верст на десять, тускло **синяя** сквозь туман.

Традиционно зеленый цвет присущ описанию флоры. Тургенев использует прилагательное *зеленый*, глагол *зеленеть* в описании растительных пространств: <...> вдоль **зеленых конопляников**, долго, долго едете вы; <...> **зеленеют** поля. Особый оттенок лугов обозначается им с помощью окказионального прилагательного *водянисто-зеленый*: Река вьется верст на десять <...> за ней **водянисто-зеленые** луга. Обозначение зеленым больших пространств проявляется и тогда, когда в качестве объекта описания выступает небо: А в зимний день <...> любоваться **зеленым цветом неба**.

Обозначение формы объектов окружающего мира, наряду со светом и цветом, составляет зрительный модус и маркирует диалог с природой повествователя и автора. <...> от деревьев, от кустов, от **высоких** стогов сена побежали **длинные** тени; свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие **покорбленные** листья и т. п.

Для обозначения формы используются слова как в прямом, так и в переносном значении. Так, прилагательное **длинный**, употребленное в денотативном значении, обозначает протяженность предмета и, как правило, служит средством обозначения постоянного признака: **длинные** нити блестят на побледневшей траве; **длинные**, висячие ветки берез едва шевелятся. Клочок – существительное, используемое в переносном значении, обрисовывает форму открывшегося между облаками пространства неба. Лексема клочок помогает указать на совсем малую площадь, ее неровные края, а в целом служит для обозначения временной формы: **клочок** бледно-голубого неба смутно выступит сквозь редящийся, словно задымившийся пар. В именовании формы продуктивным является обращение к творительному сравнительному: Но туча растет: *передний ее край вытягивается **рукавом*** <...>.

Семантика слов, служащих для обозначения формы, может содержать скрытую положительную оценку. Например, указание на признак **высокий** коррелирует с семантикой ‘уродившиеся (злаки, травы)’: *Весело пробираться <...> между двумя стенами **высокой** ржи*. Имплицитное содержание оценки в перцептивном слове определяет использование лексемы **весело**, обозначающей положительные эмоции.

При именовании формы возможна актуализация эстетической оценки. Этому служат тропы: эпитет **статные** осины *высоко лепечут над вами*; сравнение: *могучий дуб стоит, **как боец**, подле красивой липы; вдали **стеной** стоит дубовый лес*.

Анализ лексики зрительного модуса в рассказе «Лес и степь» показал, что диалог повествователя, близкого самому автору, и природы становится возможным в силу способности человека замечать в пейзаже свет, цвет, форму. Субмодусы, будучи самостоятельными в зрительной семантике, имеют общую черту: каждый из них способствует выражению динамики зрительных ощущений, обусловленных динамикой природного времени.

Повествователем, как и в других рассказах цикла, выступает охотник, который любит природу. «Он воссоздает тот пейзаж, который наблюдал множество раз, и представленное им описание является результатом отложившихся в его сознании впечатлений» [8, с. 41].

В рассказе «Лес и степь» нет эпической фабулы. Композиционное движение создается за счет развертывания наблюдения во времени и пространстве. Опорные «точки» хромотопа эксплицируются в речи охотника-повествователя, в его суждениях и замечаниях. Например, в начале текста использованию свето- и цветообозначений предшествует темпоральная лексика *весна, до зари*, которая конкретизирует и время года, и время суток: *Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать **весной до зари**?* Авторская интенция, связанная с задачей изображения в названном регистре времени, определяет употребление лексики зрительного модуса. Во фрагменте, следующем за вопросом, включенные обозначения ахроматического цвета (*на **темно-сером** небе, **белых** гусей*) и цветообозначение (*облитые тенью*) соответствуют периоду светового перехода от ночи к утру. Отсутствие слов, обозначающих форму, возможно, связано с неясностью, размытостью зрительных впечатлений в этот период.

Локативный вектор задан самим названием рассказа, он также определяет особенности лексики зрительного модуса.

При изображении степи, полей цветообозначения дают характеристики встречающейся здесь растительности. Перцептивные лексемы модуса *цвет* описывают траву, кусты, посевные растения рожь и гречиху: ***Зеленой** чертой ложится след ваших ног по росистой, **побелевшей траве**; Кое-где разве вдали **желтеет** поспевающая **рожь**, узкими полосками **краснеет гречиха**; **кусты** раскаляются и словно **желтеют** на солнце.*

При описании леса так же, как и при описании степи, цвет характеризует флористические объекты, но это будут уже деревья, вернее, его части. <...> кое-где ***на липах** висят последние **золотые листья*** <...>. Здесь цветное именование получает лист дерева.

Особенностью зрительного изображения как степи, так и леса является стремление автора обозначить «сиюминутные» оттенки, которые возникают в природе благодаря

времени года и времени суток. Так, Тургенева привлекают глаголы *желтеть*, *краснеть*, причастие *побелевший*. Эти части речи передают процесс изменения цвета, а потому они создают динамику природной краски пространства, подчеркивают «цветовое» мгновение, которое «здесь и сейчас». Изображению цветового изменения способствует также колористическое изображение одного и того же предмета в разное время суток или в разное время года. Так, в лучах дневного солнца указывается на желтый оттенок кустов: <...> **кусты** накаляются и словно **желтеют** на солнце. В ночное время цвет этих же предметов определяется эпитетом **черный**: <...> **над черными кустами** край неба смутно яснее <...>.

Еще одна важная особенность визуального описания степи – сочетание субмодусов зрения между собой, а также модуса зрительного ощущения с другими. Например, цветовая характеристика в описании степи дополняется обозначениями, отражающими представление о форме:

1) **Зеленой чертой** ложится след ваших ног по росистой, **побелевшей** траве. Здесь лексемой *чертой* передается форма следа от ног человека, лексемой *зеленой* – проявляющийся под ногами цвет травы, а лексемой *побелевшей* – цвет, где не ступала нога человека.

2) <...> **узкими полосками краснеет** гречиха. Цветовое видение красного цвета гречихи ограничивается сочетанием *узкими полосками*, семантически относящимся к субмодусу формы.

Обозначение нескольких зрительных субмодусов передает не только синтез зрительных ощущений, но и их динамику. Так, при описании начала рассвета существительное **край** и глагол *алеет* (<...> **край** неба *алеет*) воссоздают картину с начала восхода. Последующее изменение цвета сопровождается и трансформацией формы, поэтому **край** заменяется на лексему *полоса*, употребленную во множественном числе, алый цвет (*алеет*) – на золотой: <...> **вот уже золотые полосы** протянулись по небу. Тем самым словесный ряд с обозначением формы и цвета создает представление о быстрых изменениях природы в утреннюю пору.

В некоторых случаях в описании восприятия повествователь опирается на несколько модусов. Например, присутствует синестезия цвета и осязания. <...> *вам хорошо, а про-*

тив вас кусты **накаляются** и словно **желтеют** на солнце. Фраза кусты *раскаляются* – это осязательная гипербола. Художественное преувеличение тактильного модуса объясняет реалистическую причину, благодаря которой возникает оттенок желтого. На то, что это оттенок, указывает союз словно: словно **желтеют** на солнце. Описание восприятия посредством обращения к разным модусам перцепции дает более полную картину, чем при обращении к одному модусу.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в рассказе «Лес и степь» основу диалога человека и природы составляет способность рассказчика, за которым стоит близкий ему автор, выделять в пейзаже световые, цветовые детали, их размер, форму и находить для них соответствующие лексические единицы. При этом семантика единиц зрительного модуса в художественном тексте существенно обогащается содержанием, связанным с аксиологической оценкой визуально наблюдаемых деталей природы.

В лексическом плане изображение пейзажа, в который всматривается повествователь, представлено узуальными лексемами в прямом и переносном значении, которые дополняются окказиональными в силу авторского развития словесного ряда зрительного модуса, отражающего и наблюдательность персонажа-рассказчика, и авторское постижение сущности природы.

Свет, цвет и форма предметов окружающего мира и природных явлений богаты нюансами, обозначенными с помощью единиц зрительного модуса, за которыми стоит живая жизнь, проявляющаяся в семантике изменений освещения и окраски, а также формы. Способность человека «всматриваться» и «видеть» находится в тесном взаимодействии с другими сенсорными каналами, что определяет перспективу иных аспектов исследования.

Список литературы

1. Алешина Л. В. Спектральный мир «Записок охотника» И. С. Тургенева // Текст: грани и границы «Записки охотника» И. С. Тургенева. – Орел: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева; Картуш, 2017. – С. 130–145.

2. Барминова А. С. Особенности цветообозначения в пейзаже И. С. Тургенева // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: Материалы Всероссийской научной конференции. – Орел: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева, 2015. – С. 87–92.
3. Бахвалова Т. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева как историко-антропони-мический источник // Его Величество Язык Ее Величества России. Сборник трудов международной научной конференции к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). Орел, 2018. – С. 171–174.
4. Бельская А. А. Ольфакторное пространство «Записок охотника» И. С. Тургенева // Текст: грани и границы «Записки охотника» И. С. Тургенева. – Орел: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева; Каргуш, 2017. – С. 86–112.
5. Бельская А. А. Функционирование цвета *feuille morte* в романе И. С. Тургенева «Дым» // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 3 (92). – С. 44–49.
6. Бозтекеева Н. Т. Сенсорный код персонажей и автора в мистических сюжетах И. С. Тургенева // Наука и образование Материалы VIII Международной научно-практической конференции; научн. ред. Шолохов А. В. – Орел, 2017. – С. 57–63.
7. Быкова О. С. Звуковые и музыкальные образы в повести И. С. Тургенева «Фауст» // Русская речь. – 2017. – № 5. – С. 11–19.
8. Гарева Л. Н. К вопросу изучения лирической прозы (на материале цикла И. С. Тургенева «Записки охотника») // Филологический класс. – 2009. – № 21. – С. 40–43.
9. Зубцова М. Л. Перцептивная модель ночного пейзажа (на материале цикла рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника») // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. – Елец, 2019. – С. 161–167.
10. Зыховская Н. Л. Запах как принцип «художественного досье» в прозе Тургенева // Путь науки. – 2014. – № 6. – С. 63–65.
11. Климина Л. В. Цветовая лексика в художественной речи И. С. Тургенева // Славянские чтения – 2019. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2019. – С. 42–48.
12. Кузавова М. В. К проблеме циклообразования в творчестве И. С. Тургенева («Записки охотника») // Спасский вестник. – 2012. – № 20. – С. 51–56.
13. Ломакина Е. И. Пейзаж в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» (урок литературы в 6-м классе «Я наполняю душу красотой») // Педагогический поиск. – 2017. – № 3. – С. 18–21.
14. Мальцева Т. В. Охотничий текст русской литературы // Art Logos. – 2020. – № 3. – С. 27–41. EDN: EHOXGQ
15. Мещерякова О. А., Зубцова М. Л. Перцептивная лексика в описании внешности героев (на материале рассказа «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 5 (40). – С. 188–191.
16. Мещерякова О. А., Зубцова М. Л. Перцептивная лексика в рассказах И. С. Тургенева «Живые мощи» и И. А. Бунина «Святые» // И. А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2018. – С. 165–173.
17. Мещерякова О. А., Шестеркина Н. В. Мифологический аспект семантики перцептивных единиц (на материале стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...») // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XIX международной научной конференции. – СПб., 2014. – С. 158–165.
18. Плесканюк Т. Н. Звук и цвет в пейзажах И. С. Тургенева // Слово, высказывание, текст. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород, 2015. – С. 53–56.

19. Рогачёва Н. А. Язык запаха в повести И. С. Тургенева «Вешние воды» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. – 2017. – Том 3. – № 3. – С. 80–93.

20. Скокова Л. И. Пространство и время в очерке И. С. Тургенева «Лес и степь» («Записки охотника») // Русская словесность. – 2012. – № 3. – С. 13–17.

21. Топорков А. Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Заговорный текст: Генезис и структура. – М., 2005. – С. 143–174.

Mariya L. Zubtsova, Olga A. Meshcheryakova

Vocabulary of the Visual Mode in the Story by I. S. Turgenev "Forest and Steppe" (from the Series "Notes of a Hunter")

This article is devoted to the study of the vocabulary of the visual mode in the story of I. S. Turgenev "Forest and Steppe" from the cycle "Notes of a hunter". The lexical and semantic analysis of language units is used, as well as the analysis of the context of their inclusion. It is established that the visual mode in the description of nature is represented by three submodes: designations of light, color, shape of an object. The dominant feature of the analyzed semantics of perceptual lexemes is the tendency to nominate perception, determined by the register of time (time of day, season) and locative characteristics. The direct and figurative meaning of the usual lexemes of the visual mode, as well as occasional lexemes created by Turgenev, serve to express ideas about the physical and axiological characteristics of natural objects. The same goal is realized by the designation of the visual submodus in combination with other perceptual lexemes used in the story.

Key words: perceptual vocabulary, vocabulary of the visual mode, light and color designations, form designations, story by I. A. Turgenev "Forest and Steppe", the cycle of stories by I. A. Turgenev "Notes of a hunter".

For citation: Zubtsova, M. L., Meshcheryakova, O. A. (2024) Leksika zritel'nogo modusa v rasskaze I. S. Turgeneva «Les i step» (iz cikla «Zapiski ohotnika») [Vocabulary of the Visual Mode in the Story by I. S. Turgenev "Forest and Steppe" (from the Series "Notes of a Hunter")]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 124–140. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_1_124. EDN: PTHVPR

References

1. Aleshina, L. V. (2017) Spektral'nyj mir «Zapisok ohotnika» I. S. Turgeneva [Spectral world of "Notes of a Hunter" by I. S. Turgenev]. *Tekst: grani i granicy «Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva* [Text: facets and boundaries of "Notes of a Hunter" by I. S. Turgenev]. Orel: Izdatel'stvo OGU imeni I. S. Turgeneva; Kartush Publ. Pp. 130–145. (In Russian).

2. Barminova, A. S. (2015) Osobennosti cvetooboznacheniya v pejzazhe I. S. Turgeneva [Peculiarities of color designation in the landscape of I. S. Turgenev]. *Pisateli-orlovcy v kontekste otechestvennoj kul'tury, istorii, literatury* [Oryol writers in the context of domestic culture, history, literature]. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Orel: OGU Publ. Pp. 87–92. (In Russian).

3. Bahvalova, T. V. (2018) «Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva kak istoriko-antroponimicheskij istochnik ["Notes of a Hunter" I. S. Turgenev as a historical and anthroponymic source]. *Ego Velichestvo YAzyk Ee Velichestva Rossii* [His Majesty the Language of Her Majesty of Russia]. Collection of proceedings of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of Ivan Sergeevich Turgenev (1818–1883) Orel. Pp. 171–174. (In Russian).

4. Bel'skaya, A. A. (2017) Ol'faktornoe prostranstvo «Zapisk ohotnika» I. S. Turgeneva [Olfactory space of "Notes of a Hunter" by I. S. Turgenev]. *Tekst: gran i granicy «Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva* [Text: edges and boundaries of "Notes of a Hunter" by I. S. Turgenev]. Orel: Izdatel'stvo OGU imeni I. S. Turgeneva; Kartush Publ. Pp. 86–112. (In Russian).
5. Bel'skaya, A. A. (2021) Funkcionirovanie cveta feuille morte v romane I. S. Turgeneva "Dym" [The functioning of color feuille morte in the novel by I. S. Turgenev "Smoke"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of the Oryol State University*. No. 3 (92). Pp. 44–49. (In Russian).
6. Boztekееva, N. T. (2017) Sensornyj kod personazhej i avtora v misticheskih syuzhetah I. S. Turgeneva [Sensory code of characters and the author in the mystical plots of I. S. Turgenev]. *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference; scientific ed. Sholokhov A. V. Orel. Pp. 57–63. (In Russian).
7. Bykova, O. S. (2017) Zvukovye i muzykal'nye obrazy v povesti I. S. Turgeneva "Faust" [Sound and musical images in I. S. Turgenev's story "Faust"]. *Russkaya rech' – Russian speech*. No. 5. Pp. 11–19. (In Russian).
8. Gareeva, L. N. (2009) K Voprosu izucheniya liricheskoj prozy (na materiale cikla I. S. Turgeneva «Zapiski ohotnika») [On the issue of studying lyrical prose (based on the cycle of I. S. Turgenev "Notes of a Hunter")]. *Filologicheskij klass – Philological class*. No. 21. Pp. 40–43. (In Russian).
9. Zubcova, M. L. (2019) Perceptivnaya model' nochnogo pejzazha (na materiale cikla rasskazov I. S. Turgeneva "Zapiski ohotnika") [Perceptual model of the night landscape (based on the cycle of stories by I. S. Turgenev "Notes of a Hunter")]. *Aktual'nye problemy sovremen-nogo yazykoznaniya i metodiki prepodavaniya yazyka* [Current problems of modern linguistics and methods of language teaching]. Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of Professor Ivan Aleksandrovich Figurovsky. Elec. Pp. 161–167. (In Russian).
10. Zyhovskaya, N. L. (2014) Zapah kak princip «hudozhestvennogo dos'e» v proze Turgeneva [Smell as a principle of the "artistic dossier" in Turgenev's prose]. *Put' nauki – The Path of Science*. No. 6. Pp. 63–65. (In Russian).
11. Klimina, L. V. (2019) Cvetovaya leksika v hudozhestvennoj rechi I. S. Turgeneva [Color vocabulary in artistic speech by I. S. Turgenev]. *Slavyanskije chteniya-2019* [Slavic Readings – 2019]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Sterlitamak: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, Sterlitamaskij filial. Pp. 42–48. (In Russian).
12. Kuzavova, M. V. (2012) K probleme cikloobrazovaniya v tvorčestve I. S. Turgeneva ("Zapiski ohotnika") [On the problem of cycle formation in the works of I. S. Turgenev ("Notes of a Hunter")]. *Spasskij vestnik – Spassky Bulletin*. No. 20. Pp. 51–56. (In Russian).
13. Lomakina, E. I. (2017) Pejzazh v rasskaze I. S. Turgeneva "Bezhin lug" (urok literatury v 6-m klasse "YA napolnyayu dushu krasotoyu") [Landscape in the story by I. S. Turgenev "Bezhin Meadow" (literature lesson in the 6th grade "I fill my soul with beauty")]. *Pedagogicheskij poisk – Pedagogical search*. No. 3. Pp. 18–21. (In Russian).
14. Mal'ceva, T. V. (2020) Ohotnichij tekst russkoj literatury [Hunting text of Russian literature]. *Art Logos – Art Logos*. No. 3. Pp. 27–41. EDN: EHOXGQ. (In Russian).
15. Meshcheryakova, O. A., Zubcova, M. L. (2014) Perceptivnaya leksika v opisanii vneshnosti geroev (na materiale rasskaza «Hor' i Kalinych» I. S. Turgeneva) [Perceptual vocabulary in describing the appearance of heroes (based on the story "Khor and Kalinich" by I. S. Turgenev)]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya – Bulletin of Oryol State University. Series: New humanities research*. No. 5 (40). Pp. 188–191. (In Russian).
16. Meshcheryakova, O. A., Zubcova, M. L. (2018) Perceptivnaya leksika v rasskazah I. S. Turgeneva "ZHivye moshchi" i I. A. Bunina "Svyatyje" [Perceptual vocabulary in the stories of I. S. Turgenev "Living Relics" and I. A. Bunin "Saints"]. *I. A. Bunin: ot veka XX k veku XXI* [I. A. Bunin: from the 20th century to the 21st century]. Materials of the anniversary all-Russian (with international participation) scientific conference. Elec. EGU im. I. A. Bunina. Pp. 165–173. (In Russian).
17. Meshcheryakova, O. A., Shesterkina, N. V. (2014) Mifologicheskij aspekt semantiki perceptivnyh edinic (na materiale stihotvoreniya v proze I. S. Turgeneva "Kak horoshi, kak svezhi

byli rozy...") [Mythological aspect of the semantics of perceptual units (based on the prose poem by I. S. Turgenev "How beautiful, how fresh the roses were...")]. *Pushkinskie chteniya-2014. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2014. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XIX International Scientific Conference. St. Petersburg. Pp. 158–165. (In Russian).

18. Pleskanyuk, T. N. (2015) *Zvuk i cvet v pejzazhah I. S. Turgeneva* [Sound and color in the landscapes of I. S. Turgenev] *Slovo, vyskazyvanie, tekst* [Word, statement, text]. Collection of scientific works of the 1 International Scientific-Practical Conference. N. Novgorod. Pp. 53–56. (In Russian).

19. Rogachyova, N. A. (2017) *Yazyk zapaha v povesti I. S. Turgeneva «Veshnie vody»* [The language of smell in I. S. Turgenev's story "Spring Waters"]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities*. Vol. 3. No. 3. Pp. 80–93. (In Russian).

20. Skokova, L. I. (2012) *Prostranstvo i vremya v ocherke I. S. Turgeneva "Les i step" ("Zapiski ohotnika")* [Space and time in the essay by I. S. Turgenev "Forest and Steppe" ("Notes of a Hunter")]. *Russkaya slovesnost' – Russian Literature*. No. 3. Pp. 13–17. (In Russian).

21. Toporkov, A. L. (2005) *Motiv «chudesnogo odevaniya» v russkikh zagovorah XVII–XVIII vv.* [The motive of "miraculous dressing" in Russian conspiracies of the 17th–18th centuries]. *Zagornyy tekst: Genezis i struktura* [Conspiracy text: Genesis and structure]. Moscow. Pp. 143–174. (In Russian).

Об авторах

Зубцова Мария Леонидовна, учитель русского языка и литературы СОШ № 1 (г. Ливны, Российская Федерация); e-mail: m-a-r-i-a-2@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-7227-455X

Мещерякова Ольга Александровна, главный научный сотрудник научно-образовательного центра русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

About the authors

Zubtsova Mariya L., Teacher of Russian language, Literature, Municipal Educational Institution, Secondary School № 1 (Livny, Russian Federation); e-mail: m-a-r-i-a-2@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-7227-455X

Meshcheryakova Olga A., Chief Researcher at the Center for the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

дата получения: 18.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.03.2024 г.

date of receiving: 18 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 March 2024